

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-477EDN: WMDWWZ

УДК [81'27+159.923]:82-3

Научная статья |

Русская литература и литературы народов Российской Федерации

**«ВЕЧНЫЕ» ТЕМЫ
И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРЕСТРОЕЧНОЙ
ПОВЕСТИ Ю.М. КОРОТКОВА «АВАРИЯ»***В.С. Жуников, О.Н. Проваторова****Аннотация***

Обоснование. Вопрос о «вечных» темах в литературоведческой науке является значимым. На протяжении существования человечества неисчерпаемым остается ряд тем, переходящих из одного временного периода в другой, из произведения в произведение. Именно поэтому интерес представляет то, как «вечные» темы развиваются в литературном процессе, в современном в том числе. Художественные тексты собственно перестроечного периода мало изучены в литературоведении, ввиду чего мы обратились к произведению данной эпохи.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы исследовать реализацию «вечных» тем в повести Ю.М. Короткова «Авария», выявив их специфику в перестроечном тексте.

Материалы и методы. В данной работе был применен метод анализа и синтеза теоретической информации для уяснения сущностной характеристики темы как литературоведческой категории для дальнейшего исследования «вечных» тем в повести «Авария» (их трансформации на примере перестроечного текста), произведенного при помощи метода текстуального анализа.

Результаты. Нами были выявлены «вечные» темы в повести «Авария» и проанализирована их трансформация, обусловленная спецификой

исторического периода. Тема взаимоотношений «отцов» и «детей», тема чувств и тема блудного сына находят свое отражение в литературном творчестве, а «перестроечная» эпоха накладывает отпечаток на их реализацию. Конфликт «отцов» и «детей» отражен в тексте как на семейном, так и на внесемейном уровне, огромную роль в их спорах играет вопрос о смене эпох, идеологий. Тема чувств, рассматриваемая нами целно как вечная, была реализована в деструктивном аспекте, выявлено искажение понятия об истинности чувств, что обусловлено перестроечным пафосом данной повести; именно в этом мы видим специфику реализации темы чувств (как вечной) в данном типе текста. Тема блудного сына, реализуемая в повести в образе блудной дочери, раскрывается за счет мотива преступления и наказания: показано то, как жизненный путь героини привел ее к трагичному исходу; евангельский сюжет о блудном сыне отличается от сюжета исследуемой повести, автором привносится перестроечный контекст реализации темы. Все вышесказанное позволяет сказать о том, что «вечные» темы остро поднимаются и в текстах современного литературного процесса, а настроения эпохи сказываются на их развитии.

Ключевые слова: «вечные» темы; литература эпохи перестройки; тема взаимоотношений «отцов» и «детей»; тема чувств; тема блудного сына

Для цитирования. Жупиков, В. С., & Проваторова, О. Н. (2025). «Вечные» темы и их трансформация в перестроечной повести Ю. М. Короткова «Авария». *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 10–37. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-477>

Original article |

Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation

«ETERNAL» THEMES AND THEIR TRANSFORMATION IN PERESTROIKA-ERA FICTION STORY AVARIYA BY Y.M. KOROTKOV

V.S. Zhupikov, O.N. Provatorova

Abstract

Background. A question of «eternal» themes in literary science is significant. Throughout the existence of mankind, number of certain themes

remains inexhaustible, passing from one time period to other one, from book to book. That is why it is interesting to see, how «eternal» themes develop in the literary process, including in modern one. Fiction texts of perestroika-period are little studied in the science, which is why we addressed to the book of this epoch. All the above makes the relevance of our research.

The **purpose** of this article is to investigate the realization of «eternal» themes in the fiction story *Avariya* by Y.M. Korotkov, identifying their specific in the text of perestroika-epoch.

Materials and methods. In this work the method of analysis and synthesis of theoretical information was applied to understand the essential characteristics of the theme as a literary category for further researching «eternal» themes in the fiction story *Avariya* (their transformation on the example of text of perestroika-epoch), produced by textual analysis.

Results. We identified «eternal» themes in the fiction story *Avariya* and analyzed their transformation, which was due to the specific of historical period, that allowed us to come to following results. The theme of relations of «fathers» and «children», the theme of feelings and the theme of the prodigal son are also reflected in the literary creativity, and the perestroika-epoch puts an imprint on their realization. The conflict of «fathers» and «children» is reflected in the text both at the family level and out-of-family level, the change of epoch and ideology plays a huge role in their disputes. The theme of feelings, considered by us as eternal, was realized in the destructive aspect, the distortion of the notion of true feelings was revealed, which is due to the perestroika-epoch pathos of this fiction story; it is in what we see the specificity of the realization of the theme of feelings (as eternal one) in the perestroika text. The theme of prodigal son, realized in the fiction story in the image of prodigal daughter, is revealed by the motif of crime and punishment: it shows how the life's path of the character led her to a tragic outcome; the evangelical's plot about the prodigal son differs from the spot of researching fiction story, the author introduces perestroika's context of the realization of the theme. All the above makes it possible to say that «eternal» themes are strongly raised in the texts of modern literary process, and the epoch's sentiments affects their development.

Keywords: «eternal» themes; literature of perestroika-epoch; theme of relations of «fathers» and «children»; theme of feelings; theme of prodigal son

For citation. Zhupikov, V. S., & Provatorova, O. N. (2025). «Eternal» themes and their transformation in perestroika-era fiction story *Avariya* by Y. M. Korotkov. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 10–37. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-477>

Введение

Тема является одной из базовых литературоведческих категорий интерпретации художественного произведения. Изображаемое представляет собой то, что заставило автора задуматься, содержит в себе ценность, которую читателю необходимо постичь, оно становится почвой для творческого его осмысления. Читатель, погружаясь в художественный мир произведения наряду с множеством бытующих в тексте смыслов, способен четко определить более важные («крупные») «смыслы» – темы. Во все времена неизменными и вместе с тем волнующими человечество являются темы, не утрачивающие своей актуальности. В литературоведческой науке они называются «вечными» темами и переходят из эпохи в эпоху, из произведения в произведение, тем самым оставаясь актуальным предметом исследования. «В условиях кризиса гуманистических принципов искусства «традиционная» проза стремиться противостоять деструктивным явлениям в литературном процессе: постмодернистским экспериментам, прозападной ориентации массовой культуры в целом» [1, с. 487]. «Вечные» темы продолжают отражаться в литературных текстах, тем самым сохранять и подтверждать свою вневременность.

В современном литературном процессе «вечные» темы также находят отражение, подтверждая свою вневременность. Сложным периодом в русской истории, культуре и литературе является эпоха перестройки, которая «оказала существенное влияние не только на общественно-политическую жизнь, но и на развитие литературного процесса в целом» [11, с. 145].

Смена идеологий, цензура и ее отмена, и вместе с тем деформация нравственной среды человечества – характерные явления эпохи, которые модифицируют реализацию «вечных» тем. В частности, темы конфликта поколений, человеческих чувств и тему блудного сына – одни из актуальных тем в литературном творчестве.

Литературная ситуация 1985-1991 гг. характеризуется весьма сложными условиями развития художественного творчества. По большей части внимание было сосредоточено на той литературе, которая открылась читателю, стала читаема («возвращенная»). Однако параллельно развивалась литература, создаваемая авторами под влиянием той эпохи, в ее временных рамках. Такие художественные тексты сосредоточивали взгляд на реальной действительности. Важно было сказать о том, что происходит «здесь» и «сейчас». Именно о таком тексте мы будем вести речь в нашем исследовании. Особого внимания заслуживает роль массовой литературы, которая ориентирована на широкий круг читателей, она способна «выступать как инструмент регулирования общественных отношений, предотвращения эскалаций социальных конфликтов, установления социальной гармонии» [7, с. 155]. В текстах современной массовой литературы функционируют «вечные» темы, но каждая эпоха вкладывает в их трактовку свой смысл, тем самым делая текст актуальным для читателя и одновременно придавая ему вневременный характер и эстетическую ценность. Одна и та же тема будет звучать по-новому в зависимости от культурных особенностей времени, но, тем не менее, сохранять свой исконный глубинный смысл.

Определение нами жанра произведения как «перестроечная повесть» обусловлено временем, в которое был написан текст, в том числе историческими условиями и влиянием эпохи 1985-1991 гг., отраженными в его художественном мире.

Вневременность исследуемых тем наряду с недостаточной изученностью «перестроечной» литературы в научной перспективе составили актуальность нашего исследования. Нами была поставлена цель – рассмотреть то, как реализуются тема взаимоотношений «отцов» и «детей», тема чувств, тема блудного сына в «пере-

строечном» тексте – в повести Ю.М. Короткова «Авария», ставшей объектом данного исследования, т.е. изучить их трансформацию в произведении «перестроечного» литературного творчества.

Материалы и методы

В науке к трактовке определения понятия «тема» подходят с разных аспектов: наиболее распространенным является определение темы как того, «о чем говорится» в тексте и ее роли в качестве выразителя «значения» (Б.В. Томашевский [9], С.И. Кормилов [4]); ее могут отождествлять с идеей произведения (Л.И. Тимофеев [10], Г.Л. Абрамович [8]); тема составляет события, которые реально отражают действительность (В.И. Масловский [5]). Мы воспринимаем наиболее подходящее толкование сути «темы» Я. Зунделовича: по его мнению, она «сквозит в каждом моменте произведения» [3, стб. 928]. Любые повторяющиеся элементы, языковые единицы не являются основанием для того, чтобы говорить о наличии той или иной темы; может повторяться лишь сама тема.

Логика строения исследования текста была обусловлена принципом относительно главной героини повести: от истоков формирования человека, через авантюры, которые обостряются деградацией человека и общества – к трагичным обстоятельствам.

Результаты и обсуждение

Повесть Ю.М. Короткова «Авария» является показательным произведением эпохи перестройки, в котором поднимаются упомянутые нами темы. К числу ярко обозначенных тем в повести относится тема взаимоотношений «отцов» и «детей». В данном случае следует принимать во внимание следующие оппозиции: «ребенок – семья», «ребенок – старшие», «молодые – старшие», где семья – родные главной героини, старшие – персонажи старшего поколения в целом.

Главная героиня повести – Валерка, пятнадцатилетняя школьница. Она занимает важное место в своей молодежной компании, пользуется авторитетом среди сверстников. Автор рисует перед

читателем образ героини, олицетворяющей собой «бунтарскую» эпоху: «...девочка со стоящим торчком ядовито-желтыми волосами, черными тенями до висков, со стальной цепью на шее...» [2, с. 163]. Пользуясь музыкальной терминологией, стоит сказать, что подходящим будет описание Валерки как рок-девчонки. Рок – жанр, которому свойственно выражение протеста, и этой же характеристикой автор наделяет свою героиню.

Образ милицейского служащего – один из значимых героев в данной повести, он предстает в лице отца Валерки – Николаева. Образу дочери противопоставлен статус ее отца. Ему, как человеку, следящему за состоянием общественности, нарушением порядка, дано ко всему прочему регулировать поведение таких «аварий». И как отцу – следить за своей «Аварией».

Николаев – любящий отец, он равнодушен к своей дочери. Отец интересуется жизнью Валерки, ее учебой, пытается находить с ней общий язык. Отчетливо мы это видим в эпизоде, когда Николаев спрашивает дочь о том, что она слушает, нравится ли ей такая-то музыка. Показателен ответ Валерки на вопросы отца: *«Мне нравится то, что не нравится вам <...> А что вас злит – так это я вообще, тащусь!»* [Там же, с. 172]. Эти слова служат неким лозунгом, отражающим противопоставленность «детей» «отцам», разность в их вкусах, взглядах, позициях.

Исходя уже из первой сцены взаимодействия героев, мы понимаем, что Валерке свойственно пререкаться, проявлять дерзость в общении с родными людьми, язвить: «– Ты что, куришь? – Нет, только пью и колюсь» [Там же, с. 170] и т.д. Особый акцент героиня сосредоточивает на деде как участнике войны, издевается над ним: *«Слышь, дед <...> Знаешь, для ветеранов новые льготы ввели? <...> Вам теперь можно улицу переходить на красный свет и заплывать за буйки»* [Там же] и т.д. В поведении героини незрелость сочетается с веяниями в своей эпохе, которая сказывается и на человеке как таковом. Люди устают молчать, терпеть. Теперь хочется говорить правду, что, собственно, и сделала Валерка. В другом эпизоде с приемом пищи семьей героиня в очередной раз

язвит в сторону деда: «*А знаешь, дед <...> Я бы с тобой в разведку не пошла. Продай бы!*» [Там же, с. 175]. У героев разгорается перебранка, представляющая собой один из острых эпизодов повести и в целом страшную картину, особенно если учитывать тот факт, что она происходит между родными людьми. Валерка описывает прошлое, а именно довоенное время, когда расстреливали невинных людей, что, по сути, является маслом в огонь, ударом в сторону деда. Судя по его речам, Валерка задела деда за живое: «– *Не слушаю!* – кричал дед <...> – *Не слушаю!*» [Там же, с. 176]. Дед наносит внучке ответный удар, прикрывая свое прошлое тем, что такие люди одержали победу в войне. Досталось и отцу в том числе («*Страну грабили – ты не знал!*» [Там же]). Будучи еще ребенком, Валерка высказала «отцам» правду жизни, то, о чем раньше нельзя было говорить, и за это поплатилась: ее выгоняет мать со словами о том, чтобы та больше не возвращалась домой. Можно сказать, что в достаточно незрелом возрасте героиня, как мы можем наблюдать, проявляет себя как человека, осознающего истину жизни со всеми ее жестокими составляющими. На наш взгляд, слова Валерки в сторону взрослых членов семьи послужили неким «ударом» ввиду «усталости» вынашивать истину молча. Веяния перестройки оказывают влияние на и так нестабильный, трудный – переходный возраст героини: хочется высказываться, прекратить молчание.

Впоследствии «странствие» Валерки станет причиной другого конфликта – и тоже в кругу семьи. На героиню «нападает» мать, узнав о том, что ее дочь провела ночь с незнакомым мужчиной («*Дрянь! Дрянь! Дешевка! Шлюха подзаборная!*» [Там же, с. 194] и т.д.), хотя сама же и является источником «блужданий» своего чада. Перед читателем образ матери проникнут довольно тираническими чертами, но и этот образ может быть в той или иной степени оправдан. В целом у читателя может сформироваться схема поведения Валерки. И это именно тот момент, когда терпение матери дошло до предела. В матери прослеживается образ, так скажем, «уставшего» человека. Образ отца же стоит в противовес образу матери. Герой не набрасывается на дочь с ударами и криками, как это делает мать,

напротив, пытается спасти свою дочь: *«Ты что? Мать! Сдурела? – Николаев вскочил, схватил ее за руки, оттащил от дочери»* [Там же]. И, что довольно значимо, будучи милицейским служащим, Николаев не приходит к мысли о том, чтобы разобраться с *«женатым мужиком»* [Там же] (слова матери) в отделении, напротив, об этом открыто заявляет мать. Конфликт достигает предела, когда Валерка просит ее не делать этого. Однако, понимая необходимость идти на крайние меры, наносит себе ранение. Так, мы можем наблюдать, что переполох извне отражается в мире семьи Николаевых. Ребенок решает пойти на действительно страшный поступок, чтобы возникший конфликт не развивать. Степень обострения данной ситуации находится на высоком уровне в сопровождении мотива самоубийства.

Говоря о таком персонаже, как Николаев, необходимо подчеркнуть, что он является ключевой фигурой в дальнейшем развитии сюжета. Герой экстренно необходим своей дочери, когда автором вводится в повесть взаимодействие Валерки с так называемыми «квадратными» парнями – насильниками. Отец приезжает на помощь к Валерке, когда она завуалировано просит его помочь. И здесь в очередной раз подчеркивается умение героя не выходить на конфликт. Показателен эпизод, когда Николаев успокаивает свою дочь: *«Ничего... Все нормально... Ничего»* [Там же, с. 205]. Валерка спасена – это главное. И далее, когда героиня оказывается изнасилованной компанией парней, не берется отчитывать дочь за ее блудное поведение. Черта некоего содружества с дочерью является неотъемлемой составляющей в образе-персонаже отца. Николаев не преследует цель прочитать дочери мораль, обзывать ее, накричать на нее, как это делает мать (*«Доигралась, дрянь! Нагулялась! Так тебе и надо, потаскуха!»*) [Там же, с. 213]), напротив, хочет ее утешить. Как мы видим, мать оценивает ситуацию внешне: героиня второй раз оказывается в плотских, сексуальных отношениях. Отец рационально смотрит на ситуацию: пытается ее оценить. Ему жалко героиню до такой степени, что сам практически готов пустить слезу, потому что любит ее крепкой отцовской любовью. Заметим

в скобках, что упреки Николаева в сторону Валерки по поводу ее внешнего вида (которые мы встречаем в начале повести) сходят на нет. Таким образом, здесь уже прослеживается конфликт не на уровне «отцов» и «детей», а конкретно между «старшими» – между мотивами отца и мотивами матери. Несмотря на то, что данный конфликт приобретает мнимый характер, он все же находит свое отражение в контексте противопоставленности образов представителей старшего поколения.

Говоря о противопоставленности образов матери и отца, необходимо сделать акцент на довольно значимом эпизоде после совершения надругательства над Валеркой бандой «квадратных» парней: в крике мать изъясляет о своей тяжелой участи (*«Господи... – Мать, покачиваясь, пошла в другую комнату. – За что мне это... Господи, за что... Почему только мне...»* [Там же]), тогда как Николаев, напротив, хочет пойти на контакт с дочерью: *«Николаев стоял молча, глядя на рыдающую жену. Потом вошел к дочери, осторожно присел рядом»* [Там же]. Мать сконцентрирована на своей ноше, отцу же важно вступить с дочерью во взаимодействие для того, чтобы ее выслушать. Это, как мы видим, проявляется и в речах, и в разнонаправленных движениях, описанных автором.

Говоря о «семейном» образе Николаева, можно несколько расширить ряд его положительных черт: *способствует положительной атмосфере* – по приходе с работы герой с удовольствием рассказывает интересные случаи на службе; *интересуется жизнью семьи* – спрашивает, как дела у членов семьи, интересуется интересами Валерки (например, музыкальными вкусами), часто – учебой; *скрывает правду во благо* – когда Валерка звонит с просьбой о помощи, Николаев говорит матери о необходимости явиться по служебным делам, чтобы, с одной стороны, не спровоцировать мать на конфликт, с другой стороны, не выдать свою дочь (понятно, что в идеале следовало бы поведать матери о случившемся, но желание не заставлять мать переживать и сохранить «товарищеские» отношения, их тайну с дочерью не взяло верх); *защищает честь членов своей семьи* (в частности, дочери) – показателен эпизод, когда, узнав

об изнасиловании Валерии «квадратными» парнями, приезжает на их квартиру с целью мести (хоть и не обнаруживает их на месте).

Развитие сюжета повести иллюстрирует читателю проявление сильной отцовской любви Николаева. Отец хорошо понимает, в каком положении его дочь: ее переполняет жажда отмщения, и это заставляет Николаева беспокоиться. Даже в предшествующем их запланированному сговору разобраться с «квадратными» Николаев думает прежде всего о своей дочери. Герою становятся абсолютно безразличны совратители своей дочери: *«Теперь уже Николаеву наплевать было на этих подонков, пусть живут, как хотят, пусть дышат и топчут землю – только бы с ней ничего не случилось...»* [Там же, с. 224]. Идея героев разобраться со своими врагами показывает читателю способность героев сплотиться ради достижения цели.

В эпизоде преследования «квадратных» Николаевым желание отмщения за свою дочь возрастает и достигает апогея, он *«с яростным наслаждением»* [Там же, с. 227] сбивает машину насильников. Отец остался жив, а его с дочерью враги – мертвы. Итог – захват героя милицией, поскольку его поступок – это убийство. Развитие темы семейных отношений отца и дочери в повести сопрягается мотивом самопожертвования: Николаев спас свою «Аварию» от врагов-насильников, заплатив собой.

Образ Николаева является одним из ключевых в произведении. Он задает специфику в раскрытии темы взаимоотношений поколений. Исследуя место героя в произведении, следует рассматривать фигурирование мужчины в образе и среде «детей».

В повести «Авария» тема конфликта поколений поднимается автором не только в контексте внутрисемейных отношений, но и на внесемейном уровне. Здесь мы должны привлечь для анализа образ современной той эпохе молодежи, в образе которых, собственно, отражается перестройка. Образу перестроечной молодежи присущи мотивы свободы, протеста всему старому. Эпоха породила героя-бунтаря в образе подростка в кожаной куртке, с цепями на шее, кричащего под металл. Родителей они называют «черепами», что

уже говорит о непринятии их, так скажем, отживших, по их мнению, укладов жизни.

Конфликт, в котором самовыражается «перестроечная» молодежь, автор помещает в отделение полиции, где герои оказываются вследствие деструктивного поведения в музыкальном клубе. В порыве гнева подростки провозглашают свою невиновность, позиционируют себя знатоками закона, неприкосновенными: *«Пишите-пишите! <...> Мы тоже напишем. Незаконное задержание»; «А мы что, нарушали? <...> Мы никому не мешали! Не имеете права! Хотим – танцуем!»* [Там же, с. 167]. Группа подростков, в числе которых Валерка, обрисовывает ситуацию по-своему, полагая, что их арестовали за факт развлечения, а не за нарушение порядка. Важная черта в их образе – юношеский максимализм. Проявление этой черты автор изображает в контрастном взаимодействии не с родителями, а с представителями патруля. Ситуация, казалось бы, обострена довольно серьезно, но и такие условия не умаляют в персонажах пылкость, твердость, бунтовскую составляющую и вместе с тем несурзность натуры молодого поколения.

Часто случается так, что «дети» независимо от того, правы они или нет, терпят упреки в свою сторону от авторитетной личности – представителей «старших». Ранее нами упомянутый эпизод конфликта Валерки с дедом демонстрирует то, что он как «старший» ставит себя в позицию правого, не давая внучке понять, что она все же способна говорить истину. Один из эпизодов в школе иллюстрирует подобную ситуацию. Мы ведем речь о конфликте, возникшем между педагогом и школьниками. На уроке истории Валерка вне контекста темы занятия задает учительнице Вере Николаевне провокационный вопрос, одобряет ли она политику партии. Педагог дает понять, что одобряет: *«Это курс партии»*; *«А я себя не отделяю от партии»* [Там же, с. 173]. Ученики напоминают Вере Николаевне о прошлом, когда идеология была другая: *«Я помню, вы нас на «Малую землю» водили, в театр <...> В четвертом классе. И заставляли наизусть учить»* [Там же]. В очередной раз в повести представитель взрослого поколения (теперь уже педагог)

отрицает мнение «детей», но тем не менее сами «дети» эту правду осознают. Школьники, таким образом, заостряют проблему двуличия «старших», отсутствия собственного мнения, выводя полемику на идеологический уровень. Со сменой эпохи, соответственно, сменой политических взглядов «старшие» тут же примкнули от предшествующей идеологии к другой. Как и Валерка, твердящая деду истину, так и школьники в данном эпизоде тоже ведают правду, насущную проблему. Конфликт заключается в неразрешимости противоречия «отцов» и «детей». В лице «старших» «младшие» еще не могут рассуждать здраво, и это демонстрирует нам текст.

Правда, в каких-то случаях «дети» остаются детьми, но не без юношеского максимализма внутри. Это мы наблюдаем в эпизоде родительского собрания, где, кстати говоря, уже сразу, внешне задается оппозиция ««отцы» – «дети»»: «...*расселись стенка к стенку: родители слева, ученики справа, у окна*» [Там же, с. 190]. «Дети» предстают в образе молодых революционеров, оглашая идею «перестроить» школьную систему, и выражается эта идея через голос одного из представителей молодого поколения, одного из учеников – Кирилла: «*Мы предлагаем ввести в старших классах полноценное самоуправление учебным процессом*» [Там же]. Сторона «детей», таким образом, заинтересована в трансформации укладов жизни, ссылаясь на то, что управлять должны люди современной эпохи, однако эта попытка, довольно настойчивая, выглядит неразумно.

Наступление нового, непростого времени характеризуется, например, тем, что люди переживают кризис не только материальный, культурный, духовный, но и душевный. Людям трудно сдерживать насущные проблемы, скопившуюся боль. С этой целью они специфически самовыражаются, вещают истины или просто не поддаются эмоциям. И это свойственно отнюдь не только Валерке. Как прозвучало в нашем исследовании ранее, настроения времени влияют на человека. Эту «усталость» мы видим и в эпизоде «странствий» Валерки, конкретно – в эпизоде езды героини в автобусе с взрослыми. Автором показана позиция «старших», не принимающих природу современной молодежи. Это создается через образ

главной героини. Здесь мы ведем речь об эпизоде, когда Валерка едет в автобусе и замечает, что ни билета на проезд, ни денег, чтобы оплатить штраф, у нее нет. Конфликт развивается в данном случае «старшими»: *«На штакатурку хватает, а на талон пять копеек жалко!»*; *«Да что с ними говорить! В отделение ее отведите!»*; *«В зоопарк! Самое место!»* [Там же, с. 177] и т. д. Против одного ребенка настроена «толпа» «старших». Интерес представляет то, что взрослые действуют вместе по принципу подхвата: один как бы продолжает речь другого. Эта цепочка речей образует тем самым единый, цельный проест в сторону «детей». По социальному статусу пассажиры выше, и этим пользуются, чтобы в удачно возникший для них момент «напасть». Но эти люди – «уставшие», как и мать Валерки.

Продолжая вести речь о молодежи, обратим внимание на рассуждения Николаева, находящие свое отражение в диалоге с Андреем – мужчиной, с которым провела ночь Валерка, будучи выгнанной из дома. Николаев размышляет над вопросом о том, почему современное молодое поколение отличается от прежних. Герою отмечаются, что они, взрослые, тогда еще дети, *«ведь тоже не подарком были»* [Там же, с. 197]. Николаеву не ясна та пропасть, которая находится между нынешними «детьми» и «отцами». *«Жили-жили, и вдруг все кувырком полетело, все через голову»* [Там же, с. 198], – отмечает герой. Это может быть объяснено, по нашему мнению, тем, что долго существовавшая эпоха Советского Союза в значительном темпе деструктурировалась, и это оказало влияние на людей. Николаев – человек советский, но взросление Валерки пришлось на этот тяжелый период в истории. Смена идеологии и прочих изменений нравов и уклада общества сказалась на современных перестройке детей, упоминаемых героем, и именно это могло стать причиной столь значительной разницы между детьми того времени и детьми современными.

Важным композиционным элементом в развитии сюжета является смена образа Николаева, его трансформация в образ современных «детей»: *«В стенном шкафу <...> Николаев разыскал свою*

старую кожаную куртку. Примерил перед зеркалом. <...> Приколол пару Валеркиных значков с чьими-то ублюдочными рожками [Там же, с. 218]. Так прослеживается дуалистичность в образе отца, который все же относится к позиции «старших». Ю.М. Коротков ставит перед персонажем точно такое же испытание взрослым негодованием, как и перед Валеркой: повторяется ситуация упрека, исходящего от старшего поколения и тоже в автобусе, только на этот раз – в сторону Николаева. Автор помещает героя в среду «перестроечной» молодежи, и тому удается наладить с ней контакт. По нашему мнению, автор через данного персонажа дает читателю возможность посмотреть на то молодое поколение, существующее само по себе, как замечает герой, *«отгородившись спинами от остального мира»* [Там же]. Непринятие облика нынешней Николаеву молодежи переходит в принятие. Вспомним, как герой отзывался о внешнем виде Валерки: *«Вырядилась как... как пугало!»* [Там же, с. 164]. Николаев видит, как молодежь сосредоточена на себе подобных, себе равных, живет в «своем» мире. Заметим, что, как только Николаев предстает «другим», автор приближает к нему молодых героев, в частности, с просьбой дать огня сигарете. Композиционный элемент преобразования Николаева раскрывает специфику взаимодействия поколений: «отец» становится временно подобным «детям» с целью посмотреть, что они собой представляют. Особый интерес представляет, по нашему мнению, сцена драки «квадратных» парней с молодежью, когда Николаев произносит фразу *«Эй, парни! <...> Вы что, озверели? Что они вам сделали?»* [Там же, с. 220]. Гораздо ранее в повести Николаев вместе с патрулем регулирует давку с «хиппарями» без знания причины и ее выяснения, т.е., как мы видим, ситуация повторяется, только теперь на нее герой смотрит уже с другого ракурса. Такой трансформационный переход является важным средством создания образа Николаева. Перепалка с бунтарями, в которую вступает герой, примыкая к подросткам, позволяет посмотреть Николаеву теперь глазами молодежи на ее угнетение.

Тема конфликта поколений остро поднимается в произведении на примере эпизодов из жизни семьи Николаевых и развивается

в синкретическом единстве с темой внутрисемейных отношений. Вехи эпохи отражаются на отношениях членов семьи. В центре семейного конфликта в повести находится дочь – Валерка. Героиня получает в свою сторону упреки касательно ее внешнего вида, образа жизни, что становится поводом для ответного «удара». Из уст ребенка выходят речи, отражающие правду жизни, тогда как «старшие» прикрываются временем, тем самым оказываясь на стороне победителей. Образ матери и образ отца, как мы видим, – противопоставленные образы. Матери свойственно обострять конфликт, «нападать» на свою дочь, делать акцент на своей тяжелой участи. В семейном отношении образ-персонаж Николаева проникнут положительными чертами: благодушием, крепкой отцовской любовью и готовностью сделать все, чтобы защитить родных людей.

Тема взаимоотношений поколений в повести поднимается и раскрывается Ю.М. Коротковым достаточно специфически. Герои выступают со своей правдой, и «дети», и «отцы» тверды в своих убеждениях. Однако нередко «дети» затрагивают важные, острые проблемы старшего поколения (как на семейном, так и на внесемейном уровне), хотя иногда все же выдают неразумные суждения, позиционируя себя как тех, кто знает, как следует развивать порядки. Особая роль в раскрытии темы взаимоотношений поколений отводится Николаеву, в образе которого автор рисует «отца», самостоятельно решившего проникнуть в природу «детей».

Повесть «Авария» иллюстрирует читателю «перестроечную» эпоху, характеризующуюся изменениями в нравственной среде человека. Тема чувств как «вечная» тема для литературы с каждой новой эпохой модифицируется, наполняясь новым содержанием. Эпоха перестройки явила раскрепощение цензуры. Ввиду этого в литературном творчестве начали находить свое отражение сексуальные сцены, которые можно охарактеризовать как переформатированные чувства. Мотивы страсти в ряде текстов о перестройке, вышедшие в 1985-1991 гг., концептуально меняют представление об истинности чувств. Здесь в каких-то случаях можно говорить даже не столько о понятии «чувство» как таковом, сколько просто об от-

ношениях между персонажами, скорее – деградирующему способу их взаимодействия. Мы придерживаемся обозначения темы чувств как вечной, переходящей из эпохи в эпоху, из текста в текст, но способной концептуально преобразаться, модифицироваться в силу тенденций времени, в которое написан текст.

Неординарный тип взаимодействия наблюдается у персонажей совсем разных по возрасту, по статусу – Андрея и Валерки. Автор знакомит своих героев в автобусе, в котором ехала Валерка из дома. Здесь мы говорим именно о том эпизоде, в котором произошел конфликт героини с пассажирами. В этом же эпизоде возникает Андрей, оплачивающий за Валерку штраф и заступающийся за нее.

Андрей – тридцативосьмилетний мужчина, преподаватель филологического факультета высшего учебного заведения. Перед читателем он предстает в образе интеллигентного человека, ко всему прочему – женатого, однако не способного удержать свое влечение к главной героине. В дальнейшем половой акт с Валеркой станет предметом диалога между Андреем и Николаевым, когда ситуация станет известной семье героини. Педагог станет оправдывать свою мужскую страсть под предлогом того, что ему как мужчине было трудно не поддаться: *«Встречаю я девушку... У меня жена искусствовед, смотрит спектакли по всей стране. Полгода в командировках минимум. Я живой человек в конце концов... <...> Стоит такая лахудра, извините... Накрашена так, что лица не видно – откуда я знаю, сколько ей лет?..»* [Там же, с. 197].

Герой предлагает Валерке зайти к нему и получает согласие. Когда героиня напоминает о том, что пора возвращаться домой, Андрей не поддерживает ее инициативу, напротив, своим ответом выводит их отношения на новый уровень: *«Знаешь, давай попробуем на «ты»»* [Там же]. Далее – поцелуй и аккуратные попытки снять со своей встречной одежду.

Нам известно, что главная героиня – бунтарка в душе, она смелая и, если она решается на очередную авантюру, не останавливается и действует. Как и, собственно, в данном случае. Героиня идет на весьма неординарный поступок, хотя и не без душевных сомнений. По-

казателен тот эпизод, который рисует автор, когда у Валерки *«руки предательски дрожали»*, а затем она *«прикусила палец и сдавливала зубами, пока не выступила кровь»* [Там же, с. 180]. Значит, умение оценивать ситуацию в сугубо нестандартных условиях, осознавая, что на кону очень дорогое – невинность, у Валерки все же наблюдается. Однако сами рассуждения героини автором не описываются, а лишь подразумеваются. Читатель лишь видит внешнюю сторону переживаний Валерки: ее телесные движения. Таким образом, спор с самой собой – стоит или не стоит – раскрывается невербально. В конечном счете, желание «повзрослеть» взяло верх над сохранением невинности. Автор через описания телодвижений показывает читателю Валерку в момент принятия решения. Данным поступком героине удалось доказать свою независимость, смелость.

Отношения Валерки и Андрея демонстрируют человеческую неспособность препятствовать плотскому влечению, желанию сексуального контакта. Прикрывать Андрея тем, что не смог разглядеть в своей партнерше еще девчонку, нецелесообразно. Герой пошел на половую связь с пониманием того, что у него есть своя семья – жена и ребенок. Совершив прелюбодеяние, мужчина искореняет чистоту своего брака. Таким образом, нарушает нравственный закон и обрекает себя на грех. Сам факт полового влечения, независимо от возраста партнерши, говорит о деградации души, истинно романтических чувств. Деструктив, порожденный плотским контактом с еще недавно не знакомой девчонкой, усугубляется семейным положением героя.

Когда Валерка отказывается от предложенного ей алкогольного напитка еще до полового акта, Андрей цитирует героине разных авторов, в том числе И. Ильфа, вернее слова книги «Из записных книжек»: *«Все пьяные поют одним голосом, и, кажется, что одну и ту же песню»* [Там же, с. 179]. Впоследствии, по сути, эти слова перенесли на мотивы персонажей: опьяненные друг к другу страстью, они «спели» свою «песню», то есть вступили в половую связь. Мы наблюдаем аморальный характер взаимодействия героев, познакомившихся совсем недавно.

После физического контакта поведение Андрея приобретает шаткий характер, он становится растерянным, узнав о том, что Валерка – «*в первый раз*» [Там же, с. 181]. Сама героиня же проявляет колкость по отношению к своему партнеру: «*Ты что думаешь – это ты меня снял? Ха!.. Это я тебя подцепила!*» [Там же]. Более того – автор изображает азарт в героине. Когда Валерка узнает, что у Андрея есть сын, с воодушевлением предлагает пойти на половой контакт и с ним. «*Представляешь – семейная любовница!*» [Там же].

Валерка выходит из ситуации победителем для самой себя. Времяпровождение с Андреем привело ее к мысли о том, что черты, за которую запрещали выходить родители, вовсе нет. Таким образом, героиня доказала самой себе свою свободу.

На этом встречи героини с Андреем не заканчиваются. Она приходит к нему на лекцию, после ведет с ним диалог, в котором проявляется ребячливость в ее поведении. Бесстыдство продолжает составлять часть образа Валерки. Поведение героини еще не лишилось детскости, которая проявляется в неразумных ответах. Схема поведения героини достаточно неоднозначна. Безрассудство в словах типа «*А что, до утра не успеем?*» [Там же, с. 186] (намек на очередной половой контакт) переплетается с чувством «взрослости». Важно отметить следующее: если педагог вразумляется, и его больше не влечет Валерка, то она как бы продолжает свою игру. В третьей и последней встрече с героиней Андрей четко дает понять, что «*привык общаться со взрослыми людьми. С нормальными людьми!*» [Там же, с. 200]. Мы видим образ наглой девчонки, которой нравится дразнить своего сексуального партнера (связь с которым, между прочим, совсем недавно стала причиной жесткого столкновения Валерки с матерью и как его итога – пореза героиней вен): «*Испуга-ался! Бедненький Андрейчик испугался*» [Там же]. Она прощается с Андреем с пожеланием ему спокойной жизни. Перед нами пример того, насколько сильно интерес к «взрослости» вместе с азартом искоренил представление о чистоте в человеческих взаимоотношениях, в нашем случае – отношение девчонки к взрослому мужчине. Автор изображает героиню, которая коммуницирует

с персонажем на равных, позволяя себе язвить. На данный момент Валерка не подозревала, как сложится дальнейшая история ее похождения, куда приведет ее устоявшийся азарт: к изнасилованию бандой «квадратных».

Данный текст иллюстрирует то, как человеческие чувства де-структурировались, утратили нравственность, перешли нравственные законы. Вместо чувства к мужчине, который оказал ей помощь в противостоянии «отцам», у Валерки возник интерес к мужчине, желание рано «повзрослеть», доказать себе свою независимость. Героиня убедила себя в том, что за «чертой» ничего нет. На самом же деле за пределами нравственности находится порочность, способная влечь к азарту, который, к сожалению, приводит к печальным последствиям. Деструктив мы наблюдаем и в образе Андрея. Педагог, находясь в браке, совершил прелюбодеяние. Так, на фоне сложной внешней обстановки наблюдаются искажения в человеческих отношениях, их безнравственность, что и показывает нам повесть.

Не менее значимой наряду с другими темами, поднимающимися в повести «Авария», является тема блудного сына. С течением времени реализация той или иной темы модифицируется. Хочется отметить мысль Э.А. Радь: «Без всеобъемлющего осмысления, без концептуального анализа текстов разных жанров, без целостного взгляда на развитие сцепленных мотивов «отцы-дети» и «блудный сын» невозможно увидеть и понять всю суть сюжетных модификаций. Наше обращение к библейскому сюжету-архетипу о блудном сыне <...> предполагает систематизацию типологической повторяемости структурных элементов в парадигме сюжетных модификаций модели-матрицы, выступающей смыслопорождающим и сюжетообразующим компонентом в структуре художественного произведения» [6, с. 4]. Специфика раскрытия темы блудного сына обусловлена эпохой, тем не менее оставляя в себе основное смысловое звено, звучащее в текстах, где эта тема находит свое отражение. В данном произведении упомянутая нами тема раскрывается иначе по сравнению с каноническим, евангельским сюжетом о блудном сыне, покинувшем родной дом, а затем вернувшегося с раскаянием.

В повести тема блудного сына реализуется в образе дочери – Валерки. Автор рисует девчонку, любящую проводить время вне дома, вне родительского очага. Нередко мы видим ее в действии во внешнем мире. Истории, в которые попадает Валерка, раскрываются как раз-таки в эпизодах «блужданий» Валерки.

Самовыражение героини корнями восходит к ее неприятию в семейном кругу. Конфликты, сопровождающиеся криками, тяжело безответно воспринимать ребенку, особенно подростку.

Один из самых острых эпизодов в повести и вместе с тем причиной «странствия» становится столкновение с дедом, в результате которого мать выгоняет ее из дома: *«Убирайся, тварь! Пошла вон! <...> И не возвращайся! Под забором будешь ночевать!»* [1, с. 176]. Неприятие позиции Валерки взрослыми в семейном конфликте стало поводом доказать самой себе свою независимость.

Автор показывает то, как похождения блудной дочери сказываются на ее родителях, что, собственно, расширяет рамки раскрытия исследуемой темы. Читатель видит мать, жалующуюся на свою участь: *«Я так больше не могу... <...> Меня на работе уважают... Марина Михайловна, не хотите? Марина Михайловна, пожалуйста. А прихожу домой – она смотрит как... на убогую...»* [Там же, с. 180]. Мать переживает за свою дочь, но подается это читателю в деструктивной форме. Ко всему прочему она не осознает, что отчасти сама способствовала блужданию Валерки. Долгое отсутствие Валерки дома сказывается и на переживаниях отца. Так, душевно тяжким для героя испытанием становится случай, когда Николаев узнает об инциденте группы подростков, среди которых была девочка. Автор описывает беспокойство отца, вызванное незнанием местонахождения своей дочери: *«Николаев почувствовал, что сердце проваливается в холодную пустоту. Он медленно прошел между людей, ему показалось, что все сочувственно замолкают при его приближении»* [Там же, с. 187]. Герою как любящему отцу представлялась Валерка, с которой случилась страшная история. Такой прием – прием интриги – позволяет передать переживания героя и его неподдельную привязанность к любимой дочери.

Валерка получает удовольствие от авантюры, в которых она принимает участие. «Отношения» с Андреем способствовали азарту, о котором мы говорили ранее, в результате чего становится жертвой насилия. По ходу развития сюжета неоднократно перед читателем возникают образы «квадратных» – четверых взрослых парней. До контакта с Валеркой они появляются в отдельных эпизодах и как бы наблюдают за происходящим. В один момент героиня, которая доказала себе свою смелость, соглашается на их предложение провести время в их компании, обрекая себя на жертву. Казалось бы, безысходность ситуации, в которую попадает Валерка, – попытка парней изнасиловать ее на съемной квартире – оборачивается спасением: автор использует интересный прием диалога с персонажем посредством подтекста: Валерка звонит якобы Машке, которую она приглашает провести время с парнями, хотя на самом деле на проводе – ее отец, который понимает, о чем просит дочь – о спасении. Таким образом, единственным спасением дочери из авантюры становится обращение именно к отцу.

Героиню не покидает смелость, когда с осознанием того, что враги намерены отомстить ей, выходит из дома. Она вновь становится заложницей четверых «квадратных» парней. Автор описывает жестокую сцену с побоями и на этот раз безвыходную ситуацию. Мы понимаем, что Валерка стала жертвой сексуального насилия. Николаев вновь становится важной фигурой в развитии действия: дома в судорожном состоянии Валерка вновь находит утешение в своем отце, прижавшись к нему.

Тема блудного сына, важно отметить, развивается автором с привлечением героя-отца, пытающегося отомстить за свое чадо. В конечном счете, отец спасает свою дочь, но ценой нарушения закона: он совершает преступление-убийство в отношении банды насильников Валерки.

Героиня сама выбрала сомнительный путь самовыражения. Чтобы посмотреть, чем чреват этот выбор, героине стоило заплатить наказанием самого дорогого человека – отца, который в семье любил ее больше всех. Автор строит текст так, что лишь показывает

героине то, к чему в итоге привели ее блуждания: взрыв машины насильников, арест отца. Валерке было мало того, что с ней приключилось в связи с Андреем. В ее образе мы видим человека, не испытывающего чувство страха того, что в один момент легко попасть в ситуацию, выход из которой будет носить судьбоносный характер.

Хочется сказать о том, что, по нашему мнению, в данной повести тема блудного сына раскрывается за счет мотива преступления и наказания. Цепочка событий, в которую была вовлечена главная героиня, не привела ее к осознанию деструктивности своего образа жизни, за что «расплатилась» в развязке повести. Трудные семейные взаимоотношения стали весомым поводом для попытки самовыражения. Однако именно такой персонаж, как отец, играющий одну из ключевых ролей в произведении, в свою очередь, помогает своей дочери, избавляя ее от недругов, но отдавая на суд самого себя.

Заключение

«Вечные» темы представляют особую важность для литературы, они отражаются в разных произведениях разных эпох, однако могут модифицироваться в силу особенностей эпохи, в которой пишется текст. Эпоха перестройки не могла не оказать влияние на литературный процесс. В текстах, создаваемых непосредственно в 1985-1991 гг., отражается переломный период в судьбе не только страны, но и отдельных людях (персонажах) в целом. Такие произведения появлялись параллельно с запрещенной ранее литературой, которая и представляла особой интерес для читателя того времени. Конкретно в «перестроечных» текстах, как мы выявили, продолжается тенденция поднятия авторами «вечных» тем, которые еще долгое время не утратят своей актуальности.

На примере повести Ю.М. Короткова нами было выяснено, что темы взаимоотношений поколений, чувств, блудного сына не только особенно важны для литературы и понимания человеческого бытия, но и специфически раскрываются на фоне непростого периода. Как в семейном, так и в несемейном контекстах мы продолжаем наблюдать традицию в изображении противопоставлении позиций

«отцов» и «детей». «Старшие» выходят из конфликта победителями, однако, внутренне понимают, что «дети» способны говорить правду. Но и в самих «детях» наблюдается изъян в виде юношеского максимализма, сопрягающийся с веяниями эпохи, которые лишь усугубляют степень остроты в их самовыражении. Семейная тематика, поднимающаяся на фоне темы взаимоотношений поколений, раскрывается в повести посредством конфликтов, деструктивного поведения дочери, а также героя – любящего отца, утешающего, помогающего и в итоге жертвующего собой во имя родного человека. Параллельно исследованию конфликта «детей» и «старших» была выявлена антитеза в отношении «старших» к «детям» (на примере отношений матери и отца к дочери). В данном «перестроечном» произведении важное место занимают споры, основанные на смене идеологий и времени вообще. Также в контексте темы конфликта поколений в повести мы выявили образ «уставшего» человека – такого, который под влиянием деструктуризации внешнего мира духовно и душевно «устал», при появившейся возможности изъясняет жалобы и (или) девиантное поведение; на такого героя «обрушилась» эпоха, не только раскрепостившаяся, но и раскрепощающая.

Тема чувств также служит «вечной» для художественного творчества, интерес представляет ее трактовка в деструктивном аспекте. Нами было показано, как на примере истории Андрея и Валерки, мужчины и девочки, складываются отношения аморального характера. При всем при этом персонаж-мужчина оказывается в неловком положении (осознание насилия пятнадцатилетней девчонки), а сама героиня, будучи подростком, сочетая в себе детскость и «взрослость», воплощает важную черту в ее образе – безнравственность. Мы воспринимали тему чувств как цельную, вечную и рассматривали ее в аспекте деструктива, обусловленного эпохой, в чем, собственно, и заключена специфика отражения данной темы. Таким образом, повесть позволяет посмотреть, как тема чувств в качестве вечной способна модифицироваться. «Перестроечный» пафос обостряет ситуацию, вплетает в повествование сексуальный контекст, оказывая тем самым влияние на реализацию данной темы как вечной.

Тема блудного сына раскрывается за счет авантюристского образа жизни главной героини. На примере главной героини – жаждущей свободы и самовыражения (что так же стало следствием тенденций перестройки) – автором показана необходимость в осознании своих действий и дальнейшем предупреждению своих поступков.

На основании вышесказанного нужно отметить, что поставленная нами цель достигнута. Была выявлена трансформация «вечных» тем, что позволило прийти к следующему выводу: в повести Ю.М. Короткова «Авария» «вечные» темы ясно отражены и находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Перестройка привносит специфический контекст реализации тем, которые долгое время волнуют человека. Такие «вечные» темы проходят сквозь эпохи, способны видоизменяться сквозь призму веяний исторического периода, в который был написан текст.

Список литературы

1. Бедрикова, М. Л. (2003). О «вечных темах» в русской прозе конца XX века. *Проблемы истории, филологии, культуры*, (13), 487–491. EDN: <https://elibrary.ru/IAAYYD>
2. Коротков, Ю. (1991). *Авария: Повести*. Петрозаводск: Карелия. 336 с.
3. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. (Т. 2) (Под ред. Н. Бродского [и др.]). (1925). Москва; Ленинград: Изд-во Л. Д. Френкель. 1198 Стб. Получено с <https://feb-web.ru/feb/slt/abc/0.htm> (дата обращения: 14.11.2025)
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий (Под ред. А. Н. Николюкина). (2001). Институт научн. информации по общественным наукам РАН. Москва: НПК «Интелвак». 1600 стб.
5. Литературный энциклопедический словарь (Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева). (1987). Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. Москва: Сов. энциклопедия. 751 с.
6. Радь, Э. А. (2014). История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох (Автореферат дис. ... д-ра фил. наук). Саратов. 45 с. EDN: <https://elibrary.ru/WQCJKP>

7. Раненко, М. Б. (2022). Массовая литература как социальный феномен. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, (6(861)), 151–156. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_6_861_151 EDN: <https://elibrary.ru/SUAOYU>
8. Словарь литературоведческих терминов (Ред.-сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев). (1974). Москва: Просвещение. 509 с.
9. Томашевский, Б. (1925). *Теория литературы*. Ленинград: Гос. изд-во «Ленинград». 238 с.
10. Тимофеев, Л. И. (1971). *Основы теории литературы*. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов (4-е изд., испр.). Москва: Просвещение. 461 с.
11. Халимова, Н. Д. (2022). Особенности литературного процесса эпохи перестройки. *Talqin va tadqiqotlar ilmiy-uslubiy jurnali*, (5), 139–145.

References

1. Bedrikova, M. L. (2003). On “eternal themes” in Russian prose of the late 20th century. *Problems of History, Philology, Culture*, (13), 487–491. EDN: <https://elibrary.ru/IAAYYD>
2. Korotkov, Yu. (1991). *Accident: Stories*. Petrozavodsk: Karelia. 336 p.
3. Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: In 2 vols. (Vol. 2) (Edited by N. Brodsky et al.). (1925). Moscow; Leningrad: L. D. Frankel Publishing House. 1198 columns. Retrieved from <https://feb-web.ru/feb/slt/abc/0.htm> (Accessed: November 14, 2025)
4. Literary Encyclopedia of Terms and Concepts (Edited by A. N. Nikol'yukin). (2001). Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Moscow: NPK «Intelvak». 1600 columns.
5. Literary and Encyclopedic Dictionary (Edited by V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev). (1987). Editorial Board: L. G. Andreev, N. I. Balashov, A. G. Bocharov et al. Moscow: Soviet Encyclopedia. 751 p.
6. Rad', E. A. (2014). The history of the “prodigal son” in Russian literature: modifications of the archetypal plot in the movement of epochs (Abstract of doctoral thesis). Saratov. 45 p. EDN: <https://elibrary.ru/WQCJKP>

7. Ranenko, M. B. (2022). Mass literature as a social phenomenon. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, (6(861)), 151–156. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_6_861_151 EDN: <https://elibrary.ru/SUAOYU>
8. Dictionary of Literary Terms (Edited by L. I. Timofeev, S. V. Turaev). (1974). Moscow: Prosveshchenie. 509 p.
9. Tomashevsky, B. (1925). *Theory of Literature*. Leningrad: State Publishing House “Leningrad”. 238 p.
10. Timofeev, L. I. (1971). *Fundamentals of Literary Theory*. Textbook for students of pedagogical institutes (4th ed., revised). Moscow: Prosveshchenie. 461 p.
11. Khamidova, N. D. (2022). Features of the literary process of the perestroika era. *Talqin va tadqiqotlar ilmiy-uslubiy jurnali*, (5), 139–145.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Жупиков Вадим Сергеевич, студент

*Оренбургский государственный университет
просп. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Феде-
рация
vzp01@mail.ru*

Проваторова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры русской филологии и методики пре-
подавания русского языка

*Оренбургский государственный университет
просп. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Феде-
рация
olgaprovatorova@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vadim S. Zhupikov, student

*Orenburg State University
13, Pobedy prospekt, Orenburg, 460018, Russian Federation
vzp01@mail.ru*

Olga N. Provatorova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Russian Philology and Methods of Teaching Russian Language

Orenburg State University

13, Pobedy prospekt, Orenburg, 460018, Russian Federation

olgaprovatorova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2251-7109>

Поступила 24.02.2025

После рецензирования 11.04.2025

Принята 25.04.2025

Received 24.02.2025

Revised 11.04.2025

Accepted 25.04.2025